

„Дачники“.

Какъ всё до сихъ поръ вышедшія драмы Горькаго, „Дачники“ изобилуютъ дѣйствующими лицами, изъ которыхъ почти нѣтъ второстепенныхъ—всѣ значительны, всѣ типичны. Въ „Дачникахъ“ такъ много важныхъ лицъ, что, говоря, даже въ труппѣ Комиссаржевской на нихъ не хватило достойныхъ исполнителей, тѣмъ болѣе ихъ не хватило въ нашей труппѣ. Нѣкоторыя роли были распределены поневолѣ неудачно.

Басова, мужа Вари, игралъ г. Басмановъ. Нельзя сказать, чтобы у него не доставало таланта для этой роли, хотя типичной, но не особенно трудной. Въ немъ были для нея, особенно въ IV актѣ, такомъ вообще эффектнымъ, живомъ, раздражающемъ, который долго не дастъ пьесѣ сойти съ репертуара—былъ большой подъемъ одушевленія, была яркость монологовъ. Но... это было совсѣмъ не тотъ Басовъ, котораго представляешь себѣ, читая пьесу. Басовъ—фигура въ нашемъ обществѣ очень распространенная, очень извѣстная. Мы удивляемся, почему она не явилась воображенію г. Басманова сразу, почему онъ сталъ искать какой-то другой и такъ ошибся. Басовъ Горькаго—солидный, изящный, свѣтскій адвокатъ. Артистъ же какъ разъ лишилъ его всѣхъ этихъ свойствъ. Басовъ г. Басманова—добродушный, мало сознательный и потому мало вмѣняемый *bon vivant*. Въ немъ много пошлости, много житейскій приспособляемости, но надъ всѣмъ этимъ господствуетъ добродушіе. Притомъ это комичный типъ, по наружности вахлакъ. Волъ этого-то—ни комизма, ни добродушія—отнюдь не должно было быть. Настоящій Басовъ скорѣе злой, онъ только любитъ развлечься злословіемъ и шуткой. Такой типъ сдѣлать бы понятнымъ и замужество Вари: могла по молодости увлечься интеллигентной, обманчивой оболочкой. Теперь же странно, чѣмъ такое прозаическое лицо могло покориť Варю. Самое состояніе легкаго оцѣненія Басова нужно было облечь въ болѣе красивую форму.

Варя, въ толкованіи г-жи Кварталовой, была элегентна, нервна, вѣшне-поэтична, но опять таки не дала всего, что вложено въ роль. Мы рѣшаемся сказать, что исполненіе это наводило скуку. Въ Варѣ былъ какъ разъ тотъ ноющій тонъ, за который она обличаетъ всѣхъ окружающихъ. Артистка эта играла до сихъ поръ много героинь, страдающихъ отъ любви, и играла съ искреннимъ, иногда сильнымъ драматизмомъ. Варя оригинальна тѣмъ, что въ ней совсѣмъ нѣтъ любви, а есть только тревожное исканіе того человѣка исторической минуты, человѣка-избранника, въ существованіи котораго она убѣждена, но найти котораго еще нѣтъ даже проблеска надежды. Въ основѣ этого исканія лежитъ глубокое, страстное гражданское чувство. Ни этого чувства, ни Вариню злости на дѣйствительность, ни ея иступленнаго ожиданія, что „скоро, завтра, придутъ какіе-то другіе, сильные, смѣлые люди и сметутъ насъ съ земли, какъ соръ“,—ничего этого въ игрѣ артистки не было. Она осталась элегантною, какъ раньше. Помнится даже, что раньше въ ея музыкальномъ голосѣ бывало больше энергіи. Для звуковъ Вариню души артистка видимо еще не подготовлена, или недостаточно прочувствовала ихъ.

Власъ, г. Лявскій-Муратовъ, былъ вѣрно понятъ артистомъ и изображенъ можетъ быть только съ недостаточной силой, но согласно съ духомъ роли. Была въ немъ и молодая тоска по чему-то не вполне ясному, и искренность, и унылая шутливость, маскирующая мучительное состояніе души. Формула Власа: „Великъ для малаго я дѣла, для дѣла крупнаго я малъ“, была соблюдена съ хорошимъ чувствомъ мѣры. Желалось бы только больше размаха въ монологѣ Власа, гдѣ онъ изливаетъ наконецъ наболѣвшую душу, гдѣ ему „хочется крикнуть что-то злое, оскорбительное и предостерегающее“. Эти слова совсѣмъ не про-

гремѣли, что бы слѣдовало, зато очень хорошо были сказаны, какъ бы гипнотизируя (что объясняетъ крайнюю небрежность слога) строфы:

Маленькіе, худые людишки
Ходятъ по землѣ моей отчизны...

Маленькія краденныя мысли,
Модныя красивыя словечки...
Подзаютъ тихонько съ краю жизни
Тусклые, какъ тѣни, человечки.

Суслова, инженера-цинника, г. Абловъ сыгралъ такъ хорошо, что, кажется, нечего ему замѣтить. Вся роль, тщательно отдѣланная, выпукло обнаружившая эту темную душу, истерзанную „зоологическими“ страданіями (по милости красавицы-жены) ровно и правдиво дошла до своего апогея, до этихъ безпощадно-безстыжныхъ словъ, сказанныхъ прямо великолѣпно: „Мы хотимъ поѣсть и отдохнуть въ зрѣломъ возрастѣ. Вотъ наша психологія. Она не нравится вамъ, но другой быть не можетъ. И потому оставьте насъ въ покоѣ! Изъ-за того, что вы будете ругаться, назовете насъ трусами и лѣнтяями, никто изъ насъ не устремится въ общественную дѣятельность. Нѣтъ, никто!“ Слова эти были встрѣчены единичными аплодисментами. Но большая часть публики, боясь, что они относятся не къ игрѣ актера, а къ словамъ—зашикала и засвистѣла,—конечно, не г. Абловъ тому причиною—это скорѣе комплиментъ реальности его игры, вызвавшей негодованіе на персонажъ его.

Г-жа Писарева положительно специалистка по характернымъ женскимъ ролямъ. Какъ мѣтко она угадываетъ духъ самыхъ разнородныхъ ролей! Какъ умѣетъ измѣнить себя! Она каждый разъ просто неузнаваема. Ея Марья Львовна—произведеніе, глубоко обдуманное и яркое. Не говоря уже о вѣншемъ обликѣ, совершенно новомъ и вполне типичномъ, вся эта строгая манера, пылкость, непоколебимость, сила, которой отъ нея вѣяло, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтская доброта, милая стыдливость, въ сценахъ, гдѣ она съ худо скрытымъ горемъ переживаетъ свою позднюю любовь—все отвѣчало замыслу автора.

Рюмина игралъ г. Агаревъ со своими обычными, извѣстными публикѣ, изяществомъ, драматизмомъ, тонкостью оттѣнковъ, темпераментомъ. Хороша была у него горькая иронія послѣ неудавшагося покушенія на свою жизнь. Тутъ легко быть смѣшнымъ. Артистъ избѣжалъ этого.

Г. Чечинъ былъ вполне приличнымъ Шалимовымъ.

Двоеточіемъ—г. Рербинъ—мы не совсѣмъ довольны. Артистъ сыгралъ эту роль совсѣмъ какъ плутоватаго и сластолюбиваго купца въ какой-то плохенькой пьесѣ г-жи Смирновой: тотъ же гримъ, тотъ же характеръ. Это искаженіе роли. Двоеточіе совсѣмъ не таково. Для него еще нужно найти тонъ. Артистъ не искалъ его, взялъ готовый, прежній, и вышелъ шаблонъ, совсѣмъ разочаровавшій въ этой колоритной роли. Таланту г. Вербила можно бы тутъ поработать.

Въ коротенькихъ роляхъ Зимина и Сони г. Сумароковъ и г. Трефилова были очень симпатичны. Г-жа Миртова подходитъ къ роли Калеріи и сыграла ее если не ярко, то вѣрно и просто.

Къ неудачнымъ принадлежатъ роли Юліи Филипповны (г-жа Бѣлозерская) и Ольги Алексѣевны (г-жа Долгина).—Г. Розинъ схватилъ только вѣншія, грубыя черты х-ра Дулакова и не далъ его внутренняго смысла.—Г. Пеняевъ вышелъ чересчуръ вульгарнымъ, замысловатымъ.—Ан амблѣ выходныхъ ролей и толпы былъ неуренъ.—Вообще IV-й актъ, несмотря на недостатки нѣкоторыхъ первыхъ персонажей, указанные нами, прошелъ очень оживленно и наэлектризовалъ публику. Монологи Вари и Марьи Львовны были покрыты оглушительными аплодисментами.—Декорация сдѣлана для пьесы новья, свѣжія и вполне вѣрная.